

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г37

Анатолий Герасименко
ОГОНЬ СИЛЬНЕЕ МРАКА

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Дизайн переплета *Василия Половцева*

Герасименко, Анатолий Сергеевич.
Г37 Огонь сильнее мрака / Анатолий Герасименко. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 608 с. — (Nova Fiction. Русская городская фэнтези).

ISBN 978-5-17-168594-2

Мир, где магия под запретом.

Мир, в котором на смену волшебным жезлам и энергетическим кристаллам пришли револьверы и паровые машины.

Мир, где боги истребили друг друга, а люди строят новую жизнь на обломках цивилизации.

Мир, в котором хороший сыщик всегда найдет работу. Джон Репейник не просто хороший сыщик. Он телепат, один из немногих ублюдков, утаивших свои способности от властей. По распоряжению Гильдии Джон отправляется в отдаленное поселение, чтобы найти и устранить буйную русалку, досаждающую мирным людям.

Но, прибыв на место, он открывает неприглядную тайну, которую скрывают местные жители...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168594-2

© Герасименко А. С., 2025
© Егорова Дарья, иллюстрация на переплете, 2025
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.
ПОГИБЕЛЬ

1

Война оставила много следов на этой земле. Склоны холмов были покрыты круглыми ямами, заросшими можжевельником, а в низинах такие ямы превратились в маленькие болотца, затянутые ряской и воняющие мертвечиной. Тощие осины задирали к небу сучья, усеянные чахлыми листьями. Стоял жаркий Мейтам, цвели травы, но их аромат не мог перебить запаха гари, что шел от земли. Этот запах был очень слабым, за годы он выветрился, стал тенью запаха, эхом от запаха, но проникал в поры на коже, пропитывал одежду, заползал в волосы, и от него некуда было деваться.

Когда-то здесь устроили большое сражение, бились насмерть, так что земля дымилась от магии, словно подожженный торф. Деревья, что стояли здесь прежде, сгорели в битве, и теперь на пепелище осмеливались расти лишь тонкие уродливые осины да неприхотливый можжевельник. Звери погибли или разбежались, а те, кто вернулся и остался здесь жить, мутировали. Мутации были диковинными: в траве мелькали создания, похожие на помесь мыши с пауком. Пушистые и хвостатые, они резво бегали на длинных лапах, тонких, как тростинки. Впрочем, мышь с паучьими ногами — не самое страшное, что может появиться в таком месте.

Джон Репейник бродил по холмам уже два часа. Один-единственный раз ему встретился человек, бездомный оборванец, который вроде бы знал, куда идти. «Отсель четыре лида на север, добрый человек, а там

и зарядная башня будет. Она высокая, башня-то, далече видать. Реку перейдете, на какой башня, да по старой дороге к западу пару лидов пройдете — вот и Дуббинг». Репейник прошел, если считать «отсель», уже не четыре лида, а все шесть или семь, причем взбирался на каждый встречный холм и глядел по сторонам, но никакой башни не увидел. Не было видно и реки: вокруг стояли одинаковые холмы, невысокие, изрытые воронками и утыканные редкими деревьями.

Джон успел сотню раз проклясть собственное решение вернуться с задания пешком. Тогда, утром, это казалось прекрасной мыслью. Глуповатый деревенский шериф вызвал столичного сыщика из-за пустяковой кражи, вора Джон вычислил ровно за три часа. Поскольку занятий до вечера не предвиделось, Репейник счел, что вернуться в Дуббинг сможет на своих двоих. У него был путеводитель, купленный утром на причале для дирижаблей. Час назад Джон решил свериться с картой и впервые раскрыл путеводитель — увесистую книжку, отпечатанную на хорошей бумаге, с отличными гравюрами и подробными описаниями таверн. Пролистав до конца, Джон выяснил, что карта прилагалась отдельно. Джону ее забыли продать.

Солнце клонилось к западу. Репейник поправил заплечный мешок и зашагал быстрее. «Если дотемна не дойду, — подумал он, — придется ночевать под открытым небом. Нехорошо». Ему как-то довелось спать посреди большого поля, хранившего следы войны, и опыт повторять не хотелось. Джон на всю жизнь запомнил сны, что ему тогда снились. В этих снах его звали не Джон Репейник, а как-то иначе, потому что был он не человеком, а богом. Одним из тех, кто пришли две с половиной тысячи лет назад, поделили землю меж собой, а потом однажды стали врагами и развязали войну. Всю ночь Джон бился с противниками — тремя другими богами и их войском. Обрушивал на вражьи головы ледяной шторм, поливал воинов кипящим дождем, метал в них молнии, но врагов было слишком много, и они схватили его — бога, которым был Джон. Они вырыли яму посреди поля, бросили в яму бога, которым был Джон,

и зарыли его живьем. Бог, которым был Джон, кричал, пока не умер, и только тогда Джон смог наконец, проснуться...

Репейник заметил, что осины вокруг стали попадаться выше и крепче, а кусты можжевельника росли все гуще, образуя порой маленькие рощицы. Неуловимо изменился воздух, наполнился влажным горьковато-сладким благоуханием, как всегда бывает, когда подходишь к реке или озеру. Джон, оскальзываясь и распугивая паучьих мышей, взобрался на очередной холм и увидел в низине по правую руку от себя серебряную полоску воды. «Ага», — удовлетворенно пробурчал он и взял курс на реку.

Вскоре он стоял на пологом берегу, глядя на воду и гадая, куда идти: вверх по течению или вниз? Оборванец говорил, что от башни нужно следовать к западу. Но никакой башни поблизости не наблюдалось.

«Была не была», — пробормотал Джон и достал из кармана медяк. Медяк был старый, зеленый от времени, но профиль Прекрасной Хальдер, выбитый на лицевой стороне, блестел, отполированный тысячами прикосновений. Особенно ярко сиял нос богини. Джон порылся в заплечном мешке и извлек на белый свет краюху хлеба, завернутую в тряпицу. От краюхи он оторвал корочку, спрятал оставшийся хлеб обратно в мешок и немного повозился, вдавливая в корку монету. При этом он бубнил под нос стихи, которым его в детстве учила мать. Когда монета нагрелась и стала едва уловимо дрожать, Джон присел на корточки и осторожно положил хлебную корку на поверхность воды.

Корка проплыла немного по течению, замедлила ход и, на миг остановившись, тронулась обратно, сначала медленно, словно бы нехотя, а затем все больше и больше набирая скорость. Джон удовлетворенно хмыкнул и почесал отросшую щетину. Сделав несколько шагов, он выловил корку, вынул монету, которая уже не дрожала, но все еще была теплой, и бросил хлеб обратно в воду. Для еды тот все равно уже не годился: слишком уж фонил, да и размок основательно.

Монета на первый взгляд казалась обычным старым медяком, но ее можно было сделать компасом, который притягивался к источникам волшебной энергии. Вообще-то, говоря языком закона, монета являлась «устройством, приводимым в действие природной магией», а следовательно, за пользование таким устройством Джон рисковал угодить в тюрьму на пару лет, если, конечно, его бы за этим застали. Но, пока его никто не застукал, монета оставалась всего лишь нумизматической редкостью, ценной безделушкой.

Теперь медяк вернулся в карман, краюху доедали рыбы, а у Джона появился надежный ориентир. Репейник сделал ставку на то, что сильнее всего должна излучать старая зарядная башня, обычное место концентрации чар. Так и вышло: не пройдя и четверти лида, он увидел на другом берегу обломок хрустального шпиля.

Глядя на башню, верней, на то, что от нее осталось, Джон понял, почему не смог заметить ее раньше. Башня когда-то и вправду была высокой, но война и время сделали свое дело. Покрытый резьбой прозрачный шпиль, некогда росший до самых облаков, теперь был обломан почти у самого основания: из земли торчал лишь закопченный пенёк чуть выше двух ре. Хрустальное тело башни лежало в густой траве, изломившись, тускло блестя в лучах заходящего солнца. Округлая, похожая на луковицу вершина чудом уцелела, и от нее во все стороны вились обрывки проводов — будто всклокоченные волосы. Возле подножия навсегда застыли две древние машины, ржавые, причудливых форм. Видно, местные жители приволокли их сюда в последней, тщетной надежде зарядить, да так и бросили.

Джон не спеша прошелся кругом в поисках старой дороги, которая когда-то, до войны, лежала тут, ведя от одной деревни к другой. Башни, тогда еще высокие и крепкие, гудящие от магии, стояли по сторонам этой дороги, чтобы путник мог в любой момент подзарядить кристаллы мобиля и продолжить поездку. После войны зарядные станции осиротели: боги погибли, и некому стало наполнять башни волшебной энергией.

Хрустальные шпильки валялись, разбитые, на земле, деревни вымирали, дороги приходили в запустение. Так случилось и здесь.

Трава повсюду была густой, высокой, и цепкие метелки лепились к штанам Джона, но он упорно ходил, глядя под ноги, пока не заметил в траве заросшую колею. «К западу пару лидов пройдете — вот и Дуббинг», — вспомнил он и потянулся, разминая затекшую спину. Вот странно: если город так близко, то отчего не слышно пыхтения двигателей и грохота фабричных машин? Должно быть, рядом сонный пригород, где живут клерки со своими семьями. Ездят на работу утренним поездом, собственные мобили им не по карману... Да, но железной дороги тоже не слышать. И дыма не видно.

На солнце напоздла темная вечерняя туча. Сразу похолодало. Репейник поежился и решительно зашагал на запад.

Деревня была обнесена высоким частоколом. Джон долго шел вдоль плотно пригнанных друг к другу сосновых кольев, пока не набрел на ворота.

Перед воротами стояли два здоровяка. Здоровяки были совершенно одинаковые, оба высокие, плечистые, одетые в черные робы. И оба держали в руках железные ломы. Тот, кто стоял слева, задумчиво водил концом лома в пыли, выводя абстрактные узоры. Его напарник развлекался, крутя ломом в воздухе, словно мастер палочного боя. Делал это он неправильно, но эффектно. Неправильно — оттого, что не вращал всей кистью, а старался вертеть тяжелую железяку, будто щеголь — тросточку, между пальцами. Эффектно — оттого, что это у него получалось.

Увидев Джона, он радостно осклабился, воткнул лом в землю и шагнул вперед.

— Покой вам, добрый человек, — произнес он басом. — Чего забыли в наших местах?

— Покой, — ответил Джон, задирая голову. — А не скажете, ребята, в какой стороне Дуббинг?

Здоровяк почесал в затылке.

— Дуббинг-то вона где, — сказал он, взмахнув ручищей в направлении солнца, которое уже наполовину скрылось за холмами. — Да только топать вам до него у-у-у сколько... верно, Малк?

Напарник с важностью засопел и кивнул.

— Десять лидов, — произнес он авторитетно. — Не то все двенадцать. Полночи ходу. А вы кто будете-то, господин хороший?

Первый сразу подобрался и выпрямился.

— Во, и правда, — сказал он, хмурясь. — Кто таков, откуда?

Джон вздохнул. Десять лидов. Не то двенадцать. Оборванец, похоже, был не в ладах с глазомером.

— Я сыщик, — устало сказал он. — Островная Гильдия. Бумагу показать?

Детина засмеялся. Глядя на него, заржал и второй.

— Бумагу нам не надо, — сказал первый, — мы грамоте не обучены. Верно, Малк?

Второй кивнул.

— Грамота нам без надобности, — сказал он. — Читать у нас только это... вывеску на кабаке можно. Окромя нее никаких документов в селе не имеется. А что на вывеске написано, мы и так знаем.

Они опять заржали, из вежливости прикрывая рты. Репейник терпеливо ждал. Он знал, как выглядит: заросший щетиной мужик с револьвером на поясе, крепко сбитый и широкоплечий. Встречалось очень мало людей, которые хотели бы с ним ссориться. Здоровяки — это он понимал — ссориться тоже не хотели. Просто им было смертельно скучно на посту, а тут в кои-то веки появился собеседник, вот они и развлекались. Как умели. Поэтому Репейник ждал, сунув руки в карманы и заодно прикидывая, сколько он сможет прошагать в крошечной темноте по холмам, прежде чем попадет ногой в яму и сломает голень.

— Это вот Малк, — отсмеявшись, сказал первый детина и показал на второго, — братец мой меньшей. Чуть попозже из мамки вылез. Ну а я Пер, старшой. Близнецы мы. А деревня наша Марволайн называется.

— И деревня, и река местная, — вставил Малк. — Одинаково зовутся. Марволайн.

— Я Джон, — сказал Джон. — Слушай, Пер, а трактир в вашей деревне имеется? Мне бы переночевать.

Братья переглянулись.

— Не, трактира нету, кабак только, — задумчиво протянул Малк. — Да вы заходите, может, и пустит кто на ночлег.

— Э! — сказал вдруг Пер. — Слышь, Малк? Староста как раз искал кого-нить, чтобы... это самое...

— Точно! — просиял Малк. — Вы, господин сыщик, заходите, — заговорил он, делая неуклюжие приглашающие жесты, — Пер вас аккурат к старосте заведет. У него, у старосты, для вас дельце найдется.

— Какое дельце? — без энтузиазма спросил Джон. Судя по всему, придется в качестве платы за ночлег раскрывать сельские тайны. Коня у старосты увел кто-то, не иначе. Нити расследования ведут к конюху, но, похоже, ключница чего-то недоговаривает...

— Малк, — сказал Пер, — стукни-ка, чтоб открыли. Я гостю дорогу покажу, а ты постой тут один пока.

Второй детина постучал ломом о створку ворот, украшенную резным изображением какого-то чудовища с клешнями и змеиным хвостом. Изнутри отозвались:

— Чего?

— Отпирай, — велел Малк. — Свои.

Заскрипев, створка ворот отошла, так, что получился зазор, в который можно было просунуть голову. Наружу выглянула бородатая физиономия со свернутым набок носом.

— Кого нелегкая принесла? — спросила физиономия.

— Сыщик, — буркнул Пер. — До старосты. Отворяй, сказано.

Обладатель физиономии, крикнув, потянул на себя створку, зазор еще немного расширился, и Пер протиснулся внутрь. Репейник последовал за ним.

Ему открылась улица, прямая и длинная. По сторонам улицы стояли неуклюжие, но на вид крепкие дома, почти все — двухэтажные, из грубого серого камня. Здесь и там, будто лоскутья грязной паутины,

виднелись развешанные для просушки рыбацьи сети. Лаяли собаки. Где-то далеко мычал теленок. Словом, это была обыкновенная благополучная деревня.

У самых ворот стоял уже знакомый мужик со свернутым набок носом. В руках у него был большой топор, зазубренный и безнадежно ржавый.

Ворота захлопнулись.

— Запереть не забудь, — крикнул снаружи Малк.

— Не учи ученого, — отозвался Пер и задвинул ворота здоровенным брусом. Обернувшись, он подмигнул Репейнику.

— К старосте поведешь? — спросил Пера мужик с топором.

— К нему, — нараспев отозвался детина. — Пойдемте, добрый человек.

Они зашагали по дороге. Деревня была немаленькой. На лавочках перед домами сидели старики, взирая на окружающий мир с черепашьим спокойствием. Дважды Репейнику попались на глаза лавки, в одной торговали хозяйственной утварью и рыбацьей снастью, в другой — немудреными лекарствами, равно пригодными, чтобы пользоваться как домашнюю скотину, так и ее хозяев. Вдалеке слышались звонкие удары железа о железо вперемешку с гулким уханьем парового молота — работала кузница. Навстречу пылило стадо коров, возвращавшихся с выпаса, их вел скрюченный от старости пастух в выгоревшей на солнце робе. Прошли мимо две женщины с мотыгами — они были заняты разговором и не ответили, когда Пер с ними поздоровался. Только одна из них, помоложе, скользнула по Джону быстрым и отчего-то недобрым взглядом.

Пер шаркал ножищами, поднимая клубы пыли, то и дело кряхтел и постоянно сморкался в два пальца. Было ясно, что ему не терпелось начать разговор, но он держался: видно, староста запретил своим подопечным болтать с приезжими.

— Частокол-то когда обновляли? — спросил Репейник.

Пер радостно встрепенулся.

— Два года тому. Опять скоро менять надо, ведь гниет, падла, по низу гниет. Уж как смолили, обжи-

гали, даже химию сыпали какую-то в землю. А все одно, пять годков минует, ну, много — шесть, и все снова-здорово. Места здесь поганые, земля бешеная. Ну, оно понятно, после войны-то.

Репейник покивал, соглашаясь.

— Леса у вас немного в округе, — заметил он, — а на частокол его, поди, не напасешься. Покупаете?

Пер махнул рукой.

— Куплять-то не купляем, — ответил он, — куплять — это дорого сильно... Не, у нас бор недалеко. Там рубим, потом сюда возим.

— В здешних краях крупный зверь не водится, — заметил Джон. — Неужели без частоккола не обойтись? Или разбойников боитесь?

Пер ухмыльнулся и крутанул ломом.

— Разбойников никогда туточки не видал.

— Ну и зачем тогда с частоколом возиться? — удивился Репейник. — Поставили бы обычный забор, можжевельник высадили — вот вам и готова изгородь.

— Да толку-то с изгороди, она ж низкая, а это отродье как ломанется... — с жаром начал Пер, но тут же осекся и покосился с испугом на Репейника. «Ух ты, — подумал Джон. — Похоже, интересные дела у них творятся. Отродье, против которого нужен частоккол, — это любопытно».

Он остановился. Пер, шаркнув ножищами и подняв облако пыли, тоже притормозил, и тогда Джон коснулся руки Пера. Всего на секунду...

ну все теперь шериф с меня шкуру спустит как бая ремнем по жопе чашку разбил

...всего на мгновение...

вот меня понесло дурака а этот городской тоже хорош привязался дурак а он хуже ярмарка по полю шуты скачут

...похлопал по плечу...

частоккол частоккол ишь вырядился пушка напоказ вышел бы против меня я бы те показал частоккол зачем нам частоккол

...задержал руку...

надо было сразу врать против волков и все тут а теперь как ему не расскажешь про эту тварь

не расскажешь все равно узнает все равно про волков врать зубы острые

...отдернул, разрывая контакт...

вот гад что делать-то задавлю порву ненавижу кровь на земле зубы

...но успел понять, что угадал.

Сложно выудить что-то понятное из мутного потока, который несется в чужой голове. У каждого человека есть проторенные дорожки в собственном уме, своя, как говорят доктора в Дуббинге, ассоциативная матрица. Да еще эмоции, всегда эмоции, любая мысль окрашена в желание, ненависть, страх, надежду, восторг... От чужих эмоций у Репейника начиналась мигрень. Чем ярче были чувства у того, кого *читал* Джон, тем быстрее начинался приступ мигрени, и тем сильнее была боль. Вот и сейчас — заломило в затылке, расперло виски, стукнуло в темя.

Репейник поморщился. Пер мрачно косился на него. Ну да, конечно. Вырядился, городской, пушка напоказ, а теперь еще зачем-то пальцем тычет. Однако как он боится этого своего шерифа, похоже, суров у них шериф...

А ведь не коня увели у старосты, все намного серьезней.

Репейник остановился, быстро огляделся и, глядя прямо в мрачные глаза детины, сказал негромко:

— Порядок, Пер. Я ведь все знаю. Слухи уже до Дуббинга дошли.

Пер недоверчиво повел головой, а Джон прибавил:

— Шерифу ни слова не скажу.

— Не скажете? — буркнул Пер.

— Чтоб мне стореть, — сказал Джон и улыбнулся.

Пер тоже заулыбался, сначала неуверенно, а потом расплылся в улыбке и от души хлопнул Репейника по плечу.

да не нормально свой не выдаст зря я его так а как же он все знает выходит кто-то сболтал

Контакт на этот раз вышел совсем недолгим, но Репейнику хватило и мгновения, чтобы сообразить: он взял правильный тон. «Главное, не давать больше к себе прикасаться, — подумал он сквозь волны мигрени, — а то свалюсь прямо здесь. До чего легко

у деревенских настроение меняется, о боги мертвые... Так, надо разыгрывать осведомленность».

— Давно это в последний раз было? — деловито спросил Джон. Полезно держать наготове такие вопросы, ничего не значащие, ни к чему не обязывающие, но исподволь побуждающие собеседника рассказывать все, что он знает.

— Месяц прошел, — хрипло, понизив голос, сказал Пер. — Как раз ночь темная случилась, безлунная. Она ж не любит свет-то, днем ни в жизнь не покажется. Ну, и луну тоже того... не очень.

Репейник кивнул, подбадривая.

— А мы все спали, — продолжал Пер уже громче, — тогда Клаут на воротах стоял, а все спали. Он стоял-то не один, с ним Люку положено было дежурить, да Люк принявши был с вечера, ну, это... разморило его. В канаве отдыхал. Клаут все зенки проглядел, а не заметил, как она подкралась. Во-от... А Люк-то принявши был, его и разморило... Она, значит, подкралась...

— И конец Клауту? — подхватил Репейник. Пер удивленно на него глянул.

— Да нет, Клаута она заморозила, а потом его отпустило, под утро уже, правда, но отпустило. Да вы ж его сам видали, он с топором у ворот щас был. Клаут теперича боится снаружи-то стоять. Говорит, у него, как это, фибия, вот. А Люку хуже пришлось. — Пер замолчал и сочувственно помотал головой.

— А что с Люком стало? — спросил Репейник.

— Выгнал его шериф со службы, — убитым голосом сказал Пер. — Сказал — за преступную халатность. За пьянку, то бишь.

Повисло молчание. Правда, ненадолго.

— Во-от, — протянул Пер, глядя куда-то вдаль. — Стало быть, пошла она тогда по деревне, и напрямиком к старому Хьюгу. Порося в хлеву схватила, живого. Тот, конечно, визг поднял, тут-то все и проснулись. Вышли на улицу. Нашли ее в хлеву. Она как зашипит, как зубищи выставит! А потом удрала, как пришла, прямо по улице, через ворота. С поросем под мышкой. И ни одна душа ей дорогу не заступила. Ну, это

с ихних слов. Пока мы с Малком добежали, ее уже и след простыл. Тут бы Люку с Клаутом подоспеть, да вишь ты, Люк-то принявши был с вечера, а Клаута она как раз заворожила...

— Значит, деревенские ее видели? Что ж не стреляли? — спросил Репейник, гадая, о каком существе Пер говорит «она» и каким образом после встречи с этим существом удалось выжить «завороженному» Клауту. — У них ведь ружья были, наверное? Или она заговоренная, пули отскакивают?

Пер нахмурился, потоптался на месте и вздохнул.

— Знаете чего, добрый человек, — сказал он мрачно, — я ведь не местный. Мы с Малком из другой деревни пришлые, из Сванси. Отсюда лидов двадцать будет на закат. Полгода назад с родителями сюда переехали. Как Сванси затопило, так все и разъехались кто куда. Марволайн-то знаете, что на местном наречии значит? Погибель. Ага. Самое верное название. Погибельная река. Разлилась с какого-то перепугу — и все, пропало Сванси. Под воду ушло. Конечно, кто там жил, почти все в город подались, да. Ну а батя наш так сказал: кто на земле вырос, тому в городе не место, среди дармоедов! Сказал, мол, недалече деревня есть — он про эту деревню-то, значит. Ну и переехали.

Репейник слушал, чувствуя, что понемногу глупеет.

— Во-от, — продолжал Пер. — Так я вам доложу: народ здесь шибко себе на уме. Вроде и душевный, а как послушаешь — не разберешь, что у них в головах деется. Я их тогда ну вот точно вашими словами спросил: чего, мол, не стреляли? Она ж перед вами была, как на ладони. А они только глаза отводят. Не твоего ума дело, говорят. Рыбу, говорят, беречь надо. Но я так думаю: ну какая рыба? Они на голову большие, про рыбу твердят. Рыба тут ни при чем, а тварюгу эту — пристрелить, и вся недолга, верно?

— Пожалуй, — задумчиво сказал Репейник. Вот незадача: Пер оказался никомушным информатором. Он был здесь таким же чужаком, как и Джон. Местные не считали его своим. Не доверяли. «Да еще эта чушь про рыбу. Рыбу беречь... Вздор. Нет, решительно ни хрена не понимаю.»